

К вопросу о психологии творчества писателя (на примере жизни и творчества Мустая Карима)

Нафиса Миндияровна Сиражитдинова

Независимый исследователь, Уфа, Российская Федерация
E-mail: birusa-raf@mail.ru

Тагир Рафаэлевич Сиражитдинов

Гимназия № 105 имени Героя Советского Союза Кузнецова Николая Ивановича
городского округа город Уфа Республики Башкортостан,
Уфа, Российская Федерация
E-mail: strtiger@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается тема психологии творчества писателя на примере жизни и произведений народного поэта БАССР Мустафы Сафича Каримова (Мустая Карима). Создание новых литературных ценностей (шире – культурных ценностей) сопряжено с эмоциональным состоянием писателя, который находится в «собственной творческой лаборатории». Внутренний настрой творящего обусловлен его мировоззрением, поведением и оценением себя в пространстве и времени. Вложение личного «Я» в персонажи литературных произведений представляет некое расширение внутреннего пространства писателя, «оживление» виртуальных образов в сотворяемом творцом мире. Такой способ реализации творческого потенциала воздействует и на конкретного читателя, путешествующего в созданном литературном мире, становящегося «участником» жизненных перипетий художественных персонажей и открывающего новые мыслеформы. Таким образом писатель решает, в первую очередь, эстетические задачи, интуитивно вкладывая внутреннюю концепцию в творение, вырабатывая и оттачивая индивидуальный стиль выражения этой концепции. Произведения Мустая Карима отличает глубокая философичность и нравственный потенциал, позволяющий и современному читателю черпать из них жизненные человеческие ценности. Научная новизна статьи заключается в современном освещении психологии творчества народного поэта Мустая Карима. Впервые в башкирском литературоведении делается попытка проследить и осмыслить его творческий талант с точки зрения квантового сознания, сформировавшегося с детства в его внутреннем пространстве в виде «духовного кристалла». Сделаны выводы о весомости его произведений, содержащие в себе энергетический заряд высокой духовности и ее непреходящей ценности. Подчеркнута также роль Домов творчества писателей (Малеевка, Дубулты, Переделкино) в развитии литературы, где творческой интеллигенции предоставлялись условия и возможности общаться и писать. На психологию его творчества имело влияние и общение с видными деятелями советской многонациональной литературы: Ч.Т. Айтматовым, Р.Г. Гамзатовым, С.П. Даниловым, Д.Н. Кугультиновым, С.В. Михалковым, Р.И. Рождественским, Я.В. Смеляковым, К.М. Симоновым, А.Т. Твардовским, Я.Г. Ухсаем и др. В данном ряду также и произведения И.В. Гете, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского, А.С. Пушкина, У. Шекспира, Л. Фейхтвангера и др., повлиявшие на творческое мышление поэта. Результаты исследования способствуют дальнейшему, более глубокому изучению психофизиологических особенностей творчества поэта, его индивидуальных литературоведческих приемов в создании шедевров башкирской литературы.

Ключевые слова: башкирская литература, литературоведение, психология творчества, Мустай Карим, внутренняя концепция, феномен, квантовое сознание, «духовный кристалл», Дома творчества, литературные взаимосвязи

Для цитирования: Сиражитдинова, Н.М., Сиражитдинов, Т.Р., 2026. К вопросу о психологии творчества писателя (на примере жизни и творчества Мустая Карима), *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 1, с. 42–50. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.1.5>

On the psychology of the writer's work (on the example of the life and work of Mustai Karim)

Nafisa M. Sirazhitdinova

Independent researcher,
Ufa, Russian Federation
E-mail: birusa-raf@mail.ru

Tagir R. Sirazhitdinov

Gymnasium no. 105 named after hero of the Soviet Union Nikolai Ivanovich Kuznetsov
of Ufa City district of the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russian Federation
E-mail: strtiger@mail.ru

Abstract. This article examines the psychology of the writer's work using the example of the life and works of the national poet of the Bashkir ASSR, Mustafa Safich Karimov, known as Mustai Karim. The creation of new literary and, more broadly, cultural values is closely related to the emotional state of a writer who is in "his creative laboratory". This inner mood is determined by the writer's worldview, his behavior and perception of himself in space and time. Mustai Karim often puts his inner self into the characters of his works, which expands his inner space and "animated" virtual images in the world he created. This way of realizing creative potential also affects the reader, who travels through this literary world, becomes a "participant" in the trials and tribulations of the characters and discovers new forms of thinking. The writer solves primarily aesthetic problems, intuitively putting an inner concept into his creation. He develops and sharpens an individual style to express this concept. The works of Mustai Karim are distinguished by deep philosophy and moral potential. They allow the modern reader to draw vital human values from them. The scientific novelty of the article lies in the modern view of the psychology of creativity of the national poet Mustai Karim. For the first time, people are trying to analyze Bashkir writer's talent. They want to look at it from the point of view of quantum consciousness, which has been formed in his mind since he was a child. It was like a "spiritual crystal". The article concludes about the significance of his works, which carry a powerful energy charge of high spirituality and remain relevant for many centuries. The work also highlights the important role of Writers' Creative Houses such as Maleyevka, Dubuly and Peredelkino in the development of literature. These places provided the creative clerisy with the conditions for communication and creation of works. The psychology of the poet's work was influenced by communication with prominent figures of Soviet multinational literature, including Ch.T. Aitmatov, R.G. Gamzatov, S.P. Danilov, D.N. Kugultinov, S.V. Mikhalkov, R.I. Rozhdestvensky, Ya.V. Smelyakov, K.M. Simonov, A.T. Tvardovsky, Ya.G. Ukhsai and many others. It is also worth noting the influence of the works of J.V. Goethe, M.Y. Lermontov, V.V. Mayakovsky, A.S. Pushkin, W. Shakespeare, L. Feuchtwanger and other authors on the poet's creative thinking. The results of the study open up new horizons for a deeper study of the psychophysiological features of the poet's work and his unique literary approaches to creating masterpieces of Bashkir literature.

Keywords: Bashkir literature, literary studies, psychology of creativity, Mustai Karim, inner concept, phenomenon, quantum consciousness, «spiritual crystal», Creative houses, literary relationships

For citation: Sirazhitdinova, N.M., Sirazhitdinov, T.R., 2026, On the psychology of the writer's work (on the example of the life and work of Mustai Karim), *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 1, pp. 42–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.1.5>

Введение

Жизнь и литературное наследие Мустафы Сафича Каримова – Мустая Карима представляет сегодня большой интерес в российском и башкирском литературоведении. В данной статье делается попытка современного осмысления его писательского таланта, психологии его творчества.

В разработке данной темы мы опирались на труды литературоведов, исследовавших произведения и биографию башкирского писателя [Абдуллина, 2015; Валеев, 2004; Кильмухаметов, 2019; Ломунова, 1988; Хакимов, 1971; Хренков, 1969; Хөсәйенов, 1994], которые единодушно подчеркивают особый «мустаевский» стиль повествования, его мировоззрение и глубокую философичность произведений. Также важным фундаментальным этапом в исследовании жизненного пути и произведений поэта явилась энциклопедия «Мустай Карим» [Мустай Карим. Энциклопедия, 2024]. Книга внесла неоценимый вклад в развитие мустаеведения, башкирского и российского литературоведения.

Одним из особенностей критических трудов исследователей является выделение особой образной системы произведений поэта. Например, анализируя повесть «Помилование» Мустая Карима, М. Ломунова отмечает неповторимую колоритность произведения, которая создается с помощью фольклорных и мифологических образов, связывающих прошлое и настоящее, тем самым приобретая глубокий философский смысл [Ломунова, 1988: 192–193].

Академик Г.Б. Хусаинов выделяет среди поэтических особенностей произведений Мустая Карима высокую образность и народность, основанные на фольклорных традициях башкирского народа [Хөсәйенов, 1994: 263–264]. Поэтические образы Акбузата, меча, женщины, Луны, природных явлений и др. вплетаются в ткань произведений и создают особую мифопоэтику, требующую, на наш взгляд, более глубокого исследования. Т.А. Кильмухаметов подчеркивал непреходящее значение творческого наследия писателя: «Традиции Мустая Карима являются благодатной почвой для поступательного развития литературы, культуры и искусства Башкортостана на современном этапе и на будущие века» [Кильмухаметов, 2015: 1282].

Среди исследовательских работ своим философско-экзистенциальным подходом к изучению наследия Мустая Карима выделяется работа А.Х. Хусаиновой [Хусаинова, 2010]. Автор отмечает, что герои произведений писателя в пограничных жизненных ситуациях оказываются в полярных друг к другу позициях, и каждый делает выбор, соизмеряясь со своими духовными качествами. Мир полярностей Мустая Карима передается в произведениях через средства художественной выразительности (антитезу, контраст, параллелизм и др.). Сонастройка малого и большого, победы и поражения, любви и отверженности и т. д. помогает автору достигнуть тех духовных смыслов, которые он хочет реализовать. Полярности раскрывают друг друга, без них не существует физический мир, они способствуют гармонизации мышления, эмоций и др. Однако данные смыслы «уходят» далеко в многозначительность, в зависимости от конкретного читателя, его состояния.

По мнению А.П. Филиппова, «дух творчества не ведает ни времени, ни пространства. Поэт интуитивно ищет то, чего <...> не знает, но он знает, что найдет. И потому ищут другие – читатели, ученые. Они ищут в каждом произведении смысл, вековую мудрость народа, прошедшую через сердце поэта» (Цит. по: [Валеев, 2005: 6]). Сам же Мустай Карим говорил: «Желание мое, чтобы вчитывались в мои книги» [Карим, 2009: 72]. Мы соглашаемся также и с В.Е. Хализевым в том, что интерпретация произведений, высказываний творца «устремлена и к постижению, и к “досотворению” понимаемого» [Хализев, 2007: 129].

Основная часть

Если углублять размышления о духовных свойствах персонажей писателя, его лирического героя, то приходится констатировать, что у каждого из них имеется некая внутренняя свобода, степень которой зависит от сложившихся условий. Писатель при этом «выделяет» определенную часть себя, чтобы создать героя произведения и решать эстетические задачи. Данная «часть себя», внутреннее состояние поэта мы попытаемся определить как квантовое сознание творца, при помощи которого автор создает произведения, наполненные глубоким смыслом, художественными идеями, связывающими внутренний и внешний мир не только персонажей, но и читателей, зрителей, а также и самого создателя. В процессе чтения произведения воспринимается не только физический мир, но и образуется духовная наполненность, энергетическая «подзарядка», раскрывающая и расширяющая сознание. Квантовое сознание определяется, например, М.Б. Менским как обладание человеком сверхинтуицией, благодаря чему открываются различные «классические картинки», отличные от привычного [Менский, 2011]. Мы наблюдаем похожее и в состоянии Мустая Карима. Его переход на новую ступень осознанности, смена старых шаблонов на качественно новое, яркое раскрытие для себя истины наблюдается, например, в повести «Долгое-долгое детство». Мы этот процесс в сознании писателя определили бы как квантовый скачок. В данном свете одним из способов прочтения текстов, на наш взгляд, является стремление к пониманию их эзотеричности не только как художественного элемента, но и как сущности, свойственной внутреннему миру самого писателя. Если наличие текстов, высказываний, поступков и др. – это материальное воплощение мыслей, то смысл, порождаемый ими, – это духовное, эзотерическое [Сиражитдинова, 2013: 98].

Психология творчества изучает созидание человеком нового, оригинального, а также формирование, развитие и структуру творческого потенциала творящего человека. Психологические аспекты писательского творчества требуют глубокого исследования. Например, Е.З. Имаева отмечает, что «внутреннее пространство в текстах неявного смысла обладает особой очевидностью, оно собственной активностью открывает нам себя и вливает в нашу душу некую духовную энергию» [Имаева, 2012: 71].

Писатель, обладая таким сознанием в своем внутреннем пространстве, охватывает окружающий мир своей мыслью широко и глубоко, высоко и низко, во многом определяя феномен в данном случае

Мустая Карима. Внутренняя организация поэта, получившая совершенство к зрелому периоду его творчества, постепенно приводит к тому, что он начинает мыслить начальными смыслами бытия. Это качество, например, проявляется в пьесах «Не бросай огонь, Прометей!», «В ночь лунного затмения», в повести «Долгое-долгое детство», в художественных образах Акбузата, женщины, войны и мира, любви и ненависти и др. Поэтому внутреннее пространство писателя, где заложена его концепция, является важной духовной составляющей не только для поэтов и писателей, но и для любого читающего человека. Ярко выраженный «шлейф» духовности бытия в произведениях Мустая Карима способствует уравниванию психологического состояния читателя, развитию альтруизма и других положительных качеств. Произведения поэта сотворены через проекцию его духовной концепции по отношению к окружающей действительности. Говоря о личности самого Мустая Карима, придерживающегося самых скромных позиций относительно себя и своего творчества, можно предположить, что так называемое квантовое сознание писателя возникло благодаря сформировавшемуся в нем внутреннему «кристаллу души». Сюда входят и его отношение к труду, преданность и любовь к родине, уважение к женщине, честность по отношению к самому себе, осознание роли поэта в обществе, возвеличивание совести и т. д., т. е. все те свойства духа, определившие его ценностные ориентиры. Поэтому личность и произведения писателя получили широкий резонанс в обществе.

Обратимся к некоторым фактам жизни Мустая Карима, которые помогут более четко представить его сущность в свете указанной проблемы. Его творческие способности начали проявляться в раннем детстве. В автобиографии он пишет: «Стихи писать начал рано. Сначала я их слогал вместе с соседским мальчиком Асхатом. Они были направлены против наших мальчиков с Верхней улицы. <...> Мы их никогда не записывали. <...> Первое желание написать стихи, взяв в руки карандаш, было в день получения известия об убийстве Сергея Мироновича Кирова. <...> Какие мысли были у меня тогда, я не помню. Помню одно: мне страшно хотелось пойти и сейчас же покончить тех, кто убил такого хорошего человека. <...> Вечером, взяв карандаш, я написал стихи “Мы победим!” <...> После этого я начал часто писать стихи, и они в большом количестве начали появляться на страницах пионерских и комсомольских газет. Началом более или менее серьезной литературной работы является 1936 год. Это не потому, что я тогда стал писать лучше, а потому, что начал относиться более критически к написанному» [Автобиография Мустая Карима]. В очерке «О себе. Не только о себе...» [Карим, 1988: 12–27] Мустай Карим рассказывает о предпосылках, которые сподвигли его к писательской деятельности. Годы учебы Мустая Карима в г. Уфе в Башкирском педагогическом институте были погружены в атмосферу творчества, он «жил и бредил поэзией», посещал секции поэтов и писателей, где тесно познакомился с С.И. Агишем, Б.Г. Бикбаем, К.Х. Даяном, С.М. Мифтаховым и др. Окружение творческих людей, активное стремление писать привело к рождению сборника «Отряд тронулся» (1938). Горячий молодой поэтический пыл реализовался также и в довоенном сборнике «Весенние голоса» (1941). Вообще, творчество Мустая Карима условно определяется двумя основными периодами – довоенным и послевоенным. Творения периода Великой Отечественной войны являются своеобразным водоразделом между ними. Всенародная трагедия, которая «опрокинула многие установки», пронзила острой болью сердце поэта: «В первый день войны я написал стихотворение, в котором повторялась строка “Россия, Россия – Родина...”, ...рапорты об отправке на фронт оставались без ответа... Стихи совсем не писались... Мы были молоды, жили и думали сердцем, а сердце обжигала боль» [Карим, 1988: 22–23]. В дневнике за 1941 г. поэт фиксирует свои переживания за любимую Раузу, родину, родных и близких. Чувство искренней любви и ощущение душевной боли подвигли Мустая Карима к созданию военных произведений, составляющих особую часть его наследия и характеризующихся большим оптимизмом и верой в победу (см. «Девятое мая», «Зеленый цвет Победы», «Май на Днестре», «Май на Европу грядет», «Ответное письмо башкирскому народу», «Ульмесбай», «Я ухажу на фронт» и др.).

Говоря же о боли физической, связанной с ранением Мустая Карима, нужно отметить, что и она способствовала квантовому расширению сознания писателя, способность к которому наблюдается у него с детских лет (см. «Ашкадар», «Бейеш», «Долгое-долгое детство» и др.). Раненому поэту слышится «горестный леденящий крик», «ударивший» его в сердце, потому что он никогда такого крика не слышал, где «и стон, и плач, и мольба» соединились воедино и остались у него в душе на всю жизнь. Отрывок – «И в то же мгновение ожили, вырвались, зазвенели десятки других голосов. Это уже был первый зов новорожденных, который посылают они в раздольный мир. Я много слышал их, когда был маленький. И в это смертное, в это свежее утро боя они сошлись в моей душе – крик первый и крик прощальный. Теперь мне суждено нести их до самых пасмурных и грустных своих дней, потому что я тогда понял, почему у реки – два берега. Потому что как два берега держат течение вод, так и между двух берегов течет сама Замана – Время: один берег – небытие, другой – вечность.

А человек кладет на это жизнь – пытается соединить два берега: из дерева, камня, железа, из мысли и мечты строит он мост. Уносят мост половодья, крушат ураганы, обращает его в золу мимолетный галактический огонь. Человек гибнет, рождается вновь и принимается за свое извечное дело: строит мост. Потому что всегда в его сердце живут те два крика» [Карим, 1986: 76–77] – ярко передает квантовый всплеск, безгранично расширяющиеся границы подсознания писателя, воплощающийся в образах через психологию его творчества.

Одно из физиологических описаний минуты вдохновения писатель фиксирует и в дневнике: «21.2.42. <...> Почувствовал легкую дрожь, так бывает, когда приходит вдохновение. Оставшись без денег, душа взлетела так, что садись и пиши стихи» [Карим, 2013: 63]. Данное состояние определяет и мистико-эзотерические особенности творчества Мустая Карима. Писатель своим мышлением посредством мотива, композиции, сюжета и др. приемов создает в произведении картину мира, заключенную в определенном хронотопе. Произведение выглядит своеобразным энергетическим ядром, когда читатель, прикасаясь к нему, получает импульсы для духовного роста. Не случайно психологию творчества башкирского писателя характеризует и развитая интуиция. История создания стихотворения «Комсомольский билет» – яркое тому подтверждение; в рассказе «Лист и муравей» Мустай Карим пишет о кукушке, которая «правильно» предсказывает, сколько ему осталось жить, и др. Кроме этого, немаловажное значение отводится и снам поэта, записанным в его дневнике и являющимися «предсказателями» его жизни и жизни его произведений.

При создании произведения поэт очень внимательно относился к своему основному орудию труда – языку (и слову): «б.2.77. Когда пишешь, каждое слово, каждую деталь, образ, сравнение стараешься применить к месту. Кажется, что не к месту поставленное слово не то что строчку стиха – нарушает гармонию мира, мелодию его сбивает» [Активный запас: из дневников, 2006, № 9: 29]. Для Мустая Карима свойственно ощущение радости полета в творчестве, когда он воспевае родную землю, природу, любовь. Его несколько тяготит время, проводимое вне творческого процесса. Например, о его стремлении заниматься писательским трудом говорится и в заявлении первому секретарю Башкирского обкома КПСС З.Н. Нуриеву, сохранившемся в его личном деле, хранящемся в архиве Союза писателей Башкортостана. Будучи Председателем правления Союза писателей БАССР, просит освободить его от этой должности: «Почти все время ушло и уходит на работу в аппарате Союза. За шесть с половиной лет я почти не создал крупных произведений. Как писатель я пассивен и теряю связь с читателем. Это я очень тяжело переживаю <...>» [Личное дело Мустая Карима].

В своем интервью «Я верю в незыблемость мира...» поэт, критически оценивая постперестроечное время, называет одно из условий плодотворного творчества писателя – нужность обществу: «Человек наполняется не только природной энергией, но и общественной. Сегодня я не наполнен общественной, поэтому и стихов пишу очень мало» [Карим, 1994]. Мустай Карим видит свое призвание – быть поэтом и создавать светлые произведения для очищения общества, во благо мира на земле. О назначении поэта он говорит, что «кто назвал себя поэтом, обязан петь свою песню» [Карим, 1988: 18].

На психологию его творчества имело влияние и общение с видными деятелями советской многонациональной литературы: Ч.Т. Айтматовым, Р.Г. Гамзатовым, С.П. Даниловым, Д.Н. Кугультиновым, С.В. Михалковым, Р.И. Рождественским, Я.В. Смеляковым, К.М. Симоновым, А.Т. Твардовским, Я.Г. Ухсаем и др. «Дружба Мустая Карима со многими видными поэтами и прозаиками продолжается долгие годы. Ряд названных имен был не дежурным сочетанием, в нем проявляется своеобразный феномен нашего времени», – так отмечает один из исследователей биографии Мустая Карима И.И. Валеев [Валеев, 2004: 159]. Так, в дневнике от 5 февраля 1977 г. он пишет: «Твардовский говорил: “Чтобы писать, нужен запас покоя”. Примерно так же думаю я: “Чтобы писать, нужно свое внутреннее время, не зависящее ни от кого и ни от чего”. Александр Трифонович Твардовский все еще на нас смотрит испытывающе-пристально...» [Активный запас: из дневников, 2006, № 9: 29]. Свой же творческий потенциал Мустай Карим оценивает критически: «5 мая 1986. У меня всегда был мал запас знаний. Я работал и работаю на пределе, без большого резерва. В этом есть что-то и хорошее: я использовал максимум своих познаний. Жил в страхе: вот-вот иссякну. Это меня подстегивало. В сущности, у интеллигентного человека должен быть большой запас образованности (именно образованности), которая способствовала бы большой активности и маневренности мысли – мысли творческой. Весь запас, у кого он имеется, должен присутствовать в активе. А пассивный запас, наверное, тормозит, мешае мысли, как запас жира мешае работе сердца» [Активный запас: из дневников, 2006, № 9: 29]. Образованность в данном случае понимается не как лаконичная система по усвоению информации, а как формирование в себе образного мышления. Поэтому он занимался самопросвещением, читал И.В. Гете, М.Ю. Лермонтова, В.В. Маяковского, А.С. Пушкина, У. Шекспира, Л. Фейхтвангера и др., чтобы получать духовную подпитку из их образной системы произведений. Здесь хотелось бы отметить, что творчество башкирского поэта недостаточно изучено и

с точки зрения сравнительно-сопоставительного литературоведения [Сиражитдинова, Сиражитдинов, 2014: 438–442].

Психология творчества писателя подразумевает и идеи для будущих детищ, размышления, которые он записывал в дневнике и рукописях. Например, запись от 5 июля 1977: «Надо бы написать такое произведение: “Пеший человек”. Эпизод первый. Осень. Льет ливнем дождь. Грязная, непролазная дорога. Идущего пешком человека обгоняет легковая машина и застревает в грязи. Пеший богатырь вытаскивает машину из ямы. В машине разговор. “Место есть, давай его возьмем”, – говорит один. “Да он по колено в грязи, – возражает другой, – всю нам машину запачкает”. Быстро отъезжают. А пеший, от души радуясь, что помог людям, машет им вслед рукой: “Счастливого пути!”» [Активный запас: из дневников, 2006, № 9: 29]. Как видим, эти пометки стали сюжетной основой для пьесы «Пеший Махмут». По поводу фабулы повести «Деревенские адвокаты» писатель с некоторым сомнением отмечал, что время его героев уже прошло: «10.1.87. Пишу “Адвокатов” и начинаю сомневаться. Кому же будет это интересно? Они не борются, не разоблачают зло, с недостаточным интеллектуальным развитием. Сейчас ведь пришло время мрачных героев...» [Көндәлектәр, 2006: 67; подстрочный перевод авторов статьи]. Не приглянулась самому автору и пьеса «Вечернее застолье», о чем свидетельствуют несколько записей в дневнике от 26 января 1989, 26 января 1991, 28 февраля 1992, по которым можно проследить «творческие муки» ее создания. 11 февраля 1992 г. он подытоживает свое творение: «“Вечернее застолье” очень тяжело идет. Потому что все, что пишу, отходит не от сердца, а от ума...» [Көндәлектәр, 2006: 98; подстрочный перевод авторов статьи]. Записи подтверждают, что писатель «жил» судьбой своих персонажей, радовался и горевал вместе с ними. Например: «6.1.1985. Сегодня буран усилился. Какой-то тревожный буран. В этот буран расстреляли Любомира Зуха. Его в сентябре 1942 года расстреляли, а сегодня во второй раз – уже навсегда. Героя с такой тяжелой судьбой у меня, кажется, не было. Можно было за три минуты до расстрела прислать помилование и тихо-мирно завершить историю. Но зачем тогда все прежние усилия? В жизни-то его не помиловали. Только я помиловал его – ради жизни. Сама жизнь не помиловала» [Активный запас: из дневников, 2006, № 10: 27] и др. Мустай Карим радостно и живо реагировал, когда писал произведения для детей: «1.3.1992. Особенно испытываю удовольствие, когда пишу для маленьких. Ведь прикасаются к нему и люди, которые читают его для малышей. Чувствую себя человеком, сделавшим маленькое добро» [Көндәлектәр, 2006: 29; подстрочный перевод авторов статьи]. Среди своих персонажей Мустафа Сафич особенно любил образ Салавата Юлаева: «18.6.94. <...> У меня есть свой Салават. Он в моей душе как вера. <...> Для меня он великая личность с глубокими двойственными размышлениями, переживаниями. Эти черты не вмещаются в легендарный образ. <...> По моим предчувствиям, он постоянно жил внутренним беспокойством, тревогой, переживал внутреннюю трагедию. Он на самом деле великий человек, а у великих душа спокойной не бывает. Для меня это тайна. Поэтому и охватывает и мою душу, и разум <...>» [Көндәлектәр, 2007: 29; подстрочный перевод авторов статьи]. Поэт едет в Эстонию «с мыслью, что, может, повстречается с блуждающей душой Салавата», бродит возле моря и «ищет» ответ на мучающий его творческий вопрос: «Кто же он, Салават?».

В развитии психологии творчества писателя огромное значение имеют театр и кино. Многие постановки на сценах республиканских и российских театров по произведениям Мустая Карима и их экранизация заслуживают отдельного внимания и интерпретации. Данные направления искусства по отношению к творчеству Мустая Карима представляют второстепенные явления, подпитывающиеся от первоисточника писателя. В задачу же данной статьи входит обозначение выбранной темы.

Непреходяща и роль в создании тех или иных произведений домов творчества – Дубулты, Малеевки, Переделкино и др., феномен которых способствовал тесному общению писателей и развитию литературы. Однако с распадом Союза Советских Социалистических Республик и перестройкой 90-х гг. XX в. писатель чувствует себя растерянным. В его поэтическом творчестве этого периода наблюдается глубокий пессимизм, преобладают мотивы брэнности мира (см. «В начале дня встречает лай меня...», «Вслед за предками», «Всю жизнь взыскую правды я. И что ж?» и др.). В интервью прессе, выступлениях он не перестает говорить о своих ценностных ориентациях, о роли искусства и литературы в жизни общества.

Заключение

Мировоззрение поэта является некой путеводной нитью для современного растерявшегося общественного устройства. Например, его евразийский подход в развитии России представляется сейчас особенно актуальным: «Башкирия была на караванном пути между Европой и Азией, она находилась и находится на караванном пути двух культур – Запада и Востока. Наш дом освещается с обеих сторон. Если мы, башкирские литераторы, сумеем творчески усвоить поэтический опыт двух великих культур, то, создавая произведения прежде всего для своего национального читателя, сможем

дойти до сердца близких и далеких народов. Только при этом условии наша национальная литература приобретает долговечность и общечеловеческую значимость» [Карим, 1988: 27]. Уже зрелый маститый поэт, он отмечает, что ему в последние десятилетия писалось менее торопливо и он не спешил угнаться за быстротечными событиями, что «настала пора не спеша, с толком поговорить с людьми о жизни, ... о душе, о мечте, о долге, о месте под солнцем. Обо всем этом на бегу не наговоришься» [Карим, 1988: 26]. То есть он как бы «замедляет» свое сознание, стремясь уравновесить мир вокруг себя. Поэтому и свою книгу «Мгновения жизни» он называет книгой чудес, когда поэты и писатели «чудесным» образом встречались в этой жизни, общались, делились опытом, то есть консолидировались в творческих силах и через свои произведения имели определенное влияние на мысли и чувства читателей, раскрытие и формирование в них духовных ценностей.

Творчество Мустая Карима работает с восприятием и сознанием людей в познании человеческой сути. Так, автор в трагедии «В ночь лунного затмения» через свое квантовое сознание «возвращает» читателя в средние века, показывает нелепость шаблонной жизни и закостенелость человеческих отношений, «перемалывает» в башкирской истории так называемый «кармический узел». Или же в пьесе «Вечернее застолье» писатель через образы «живых манекенов» передает обездушивание людей, молодежи, обесценивание духовных истин. Поэт, предугадывая в своем творческом сознании через смену общественных устоев обесценивание духовности, показывает превращение человека в манекена (робота) и др.

На юбилейном мероприятии, посвященном своему 75-летию, поэт произнес: «Я помню день и месяц рождения почти каждого стихотворения, снова ощущаю волнение, вспомнив поводы их появления на свет. Они вызваны к жизни добром и любовью, а не злобой и мстостью». Данное высказывание характеризует психологию творчества поэта и его светлые произведения, составляющие духовную сокровищницу башкирского народа и человечества, подтверждающие его внутреннее пространство сознания, определяемое нами как квантовое. Мысли Мустая Карима о том, что о писателе нужно говорить, прежде всего, как об авторе книг, о творце и идти к нему «от его книг, а не наоборот», звучат как его завещание всем нам.

Источники и материалы

Автобиография Мустая Карима, Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ), ф. 10337, оп. 1, биографический раздел.

Карим М., 2013. *Дневники 1941-го*. Уфа, 2013, № 10.

Карим М., 2006. *Активный запас: из дневников*. Уфа, 2006, № 9.

Карим М., 2006. *Активный запас: из дневников*. Уфа, 2006, № 10.

Карим М., 1994. «Я верю в незыблемость мира...», *Правда*, 1994, 13 сент.

Карим М., 1988. *Притча о трех братьях*. М.: Современник, 366 с.

Карим М., 1986. *Долгое-долгое детство*. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 320 с.

Карим М., 2009. *Чернильница*. Уфа, 2009, № 10.

Кәрим М., 2006. Көндәлектәр, *Агизел*, 2006, № 11. [Карим М., 2006. *Дневники, Агидель*, 2006, № 11] (на баш. яз.)

Кәрим М., 2007. Көндәлектәр, *Агизел*, 2007, № 10. [Карим М., 2007. *Дневники, Агидель*, 2007, № 11] (на баш. яз.)

Личное дело Мустая Карима, Архив Союза писателей РБ.

Мустай Карим, 2024. *Энциклопедия*, гл. ред. Р.Т. Бикбаев. Уфа: Академия наук Республики Башкортостан, 696 с.

Список литературы

Абдуллина, А.Ш., 2015. Художественное мышление М. Карима, *Современные проблемы науки и образования*. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=22390> (дата обращения: 28.02.2026).

Валеев, И.И., 2004. *Мустай Карим: воин, поэт, гражданин*. М.: Герои Отечества, 584 с.

Валеев, И.И., 2005. *Традиции башкирского национального воспитания в творчестве Мустая Карима*. Уфа: Китап, 415 с.

Имаева, Е.З., 2012. Внутреннее духовное пространство в тексте неявного смысла, *Вестник Челябинского государственного университета, Серия: Филология. Искусствоведение*, вып. 63, № 5 (259), с. 159–162.

Килмөхәмәтов, Т.А., 2019. *Беззең Мостай: Языусы. Шәхес. Ватансы*. Өфө: Китап, 382 б. [Кильмухаметов, Т., 2019. *Наш Мустай: Поэт. Личность. Патриот*. Уфа: Китап, 382 с.] (на баш. яз.)

Кильмухаметов, Т.А., 2015. Творческий вклад Мустая Карима в развитие национальной культуры Башкортостана, *Вестник Башкирского университета*, т. 20, № 4, с. 1279–1283.

Ломунова, М.Н., 1988. *Мустай Карим: очерк творчества*. М.: Художественная литература, 206 с.
 Менский, М.Б., 2011. *Сознание и квантовая механика*, авторизованный пер. с англ. В.М. Ваксмана. Фрязина: Век 2, 320 с.

Сиражитдинова, Н.М., 2013. Эзотерическое прочтение Мустая Карима, *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства*, № 4 (36), с. 97–102.

Сиражитдинова, Н.М., Сиражитдинов, Т.Р., 2014. Взгляд на проявление детской жестокости в произведениях «Долгое-долгое детство» М. Карима, «Маленькие дикари» Э. Сетона-Томпсона и «Повелитель мух» У. Голдинга, *Актуальные проблемы башкирской, тюркской и угро-финской филологии и культуры. Материалы Всерос. (с междунар. участием) научно-практич. конф., посв. 95-летию Нар. поэта Башкортостана, героя Соц. Труда, лауреата Гос. премии СССР Мустая Карима и 80-летию лит. объединения «Шонкар» («Кречет») БашГУ*. Уфа: РИЦ БашГУ, с. 438–442.

Хакимов, А.Х., 1971. *С веком наравне: о творчестве Мустая Карима*. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 155 с.

Хализев, В. Е., 2007. *Теория литературы*. М.: Высшая школа, 404 с.

Хөсәйенов, Ғ.Б., 1994. *Мустай Кәрим: шәхес, шагир, драматург, прозаик*. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 416 б. [Хусаинов, Г.Б., 1994. *Мустай Карим: личность, поэт, драматург, прозаик*. Уфа: Башкирское издательство «Китап», 416 с.] (на баш. яз.)

Хренков, Д.Т., 1969. *Мустай Карим: литературный портрет*. М.: Советская Россия, 104 с.

Хусаинова, А.Х., 2010. *Экзистенция свободы выбора (философский анализ)*. Уфа: Гилем, 228 с.

References

Abdullina, A.S., 2015, The artistic thinking of M. Karim, *Modern problems of science and education*. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=22390> (accessed: 28.02.2026). (In Russ.)

Valeev, I.I., 2004, *Mustai Karim: warrior, poet, citizen*. Geroi Otechestva, Moscow, 584 p. (In Russ.)

Valeev, I.I., 2005, *Traditions of bashkir national upbringing in the works of Mustai Karim*. Kitap, Ufa, 415 p. (In Russ.)

Imaeva, E.Z., 2012, The inner spiritual space in the text of an implicit meaning, *Bulletin of the Chelyabinsk State University, Series: Philology. Art. History*, iss. 63, № 5 (259). (In Russ.)

Kilmukhametov, T.A., 2019, *Our Mustai: Writer. Personality. Patriot*. Kitap, Ufa, 382 p. (In Bash.)

Kilmukhametov, T.A., 2015, Mustai Karim's creative contribution to the development of Bashkortostan's national culture, *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 20, no 4, pp. 1279–1283. (In Russ.)

Lomunova, M.N., 1988, *Mustai Karim: an essay on creativity*, Hudozhestvennaya Literatura, Moscow, 206 p. (In Russ.)

Mensky, M.B., 2011, *Consciousness and quantum mechanics*, authorized translation from English by V.M. Vaksman, Vek 2, Fryazina, 320 p. (In Russ.)

Sirazhitdinova, N.M., 2013, The esoteric reading of Mustai Karim, *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Art*, no. 4(36), pp. 97–102. (In Russ.)

Sirazhitdinova, N.M., Sirazhitdinov, T.R., 2014, A look at the manifestation of child cruelty in the works «A long, long childhood» by M. Karim, "Little savages" by E. Seton-Thompson and "Lord of the flies" by W. Golding, *Actual problems of Bashkir, Turkic and Ugro-Finnish philology and culture: materials of the All-Russian (from the international scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the national poet of Bashkortostan, hero of the Socialist Republic. Mustai Karim, Laureate of the USSR State Prize, and the 80th anniversary of literary association "Shonkar" ("Gyr Falcon") Bashkir State University*. Editorial and Publishing Center of Bashkir State University, Ufa, pp. 438–442. (In Russ.)

Khakimov, A.H., 1971, *Keeping up with the times: about the work of Mustai Karim*. Izdatel'stvo Literatury i Iskusstva, Tashkent, 155 p. (In Russ.)

Khalizev, V.E., 2007, *Theory of literature*. Vysshaya Shkola, Moscow, 404 p. (In Russ.)

Khusainov, G.B., 1994, *Mustai Karim: personality, poet, playwright, novelist*. "Kitap" Bashkir Publ., Ufa, 416 p. (In Bash.)

Khrenkov, D.T., 1969, *Mustai Karim: a literary portrait*. Sovetskaya Rossiya, Moscow, 104 p. (In Russ.)

Khusainova, A.H., 2010, *The Existence of freedom of choice (philosophical analysis)*. Gilem, Ufa, 228 p. (In Russ.)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declares no relevant conflict of interests.

Информация об авторах

Нафиса Миндияровна Сиражитдинова, кандидат филологических наук, независимый исследователь, г. Уфа, Российская Федерация; e-mail: birusa-raf@mail.ru

Тагир Рафаэлевич Сиражитдинов, Гимназия № 105 имени Героя Советского Союза Кузнецова Николая Ивановича городского округа город Уфа Республики Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация; e-mail: strtiger@mail.ru

Information about the authors

Nafisa M. Sirazhitdinova, Cand. Sc. (Philology), Independent researcher, Ufa, Russian Federation; e-mail: birusa-raf@mail.ru

Tagir R. Sirazhitdinov, Gymnasium no. 105 named after hero of the Soviet Union Nikolai Ivanovich Kuznetsov in Ufa City district of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russian Federation; e-mail: strtiger@mail.ru

Рукопись поступила в редакцию / Received 01.03.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 13.03.2026

Принята к публикации / Accepted 16.03.2026